

РАССВЕТНИЦА

ОКСАНА
АЛЕКСЕЕВА

16+

Оксана Алексеева
Рассветница
Серия «Рассветница», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Она обрела способность видеть реальную форму зла. Что делать? Не вмешиваться или рисковать собой ради других? Но выбора нет: это не дар, а искупление грехов. Важно не забыть, что и в кромешной тьме можно отыскать свет.

Содержание

Глава 1. Марина	4
Глава 2. Илья	17
Глава 3. Алиса	35
Глава 4. Союз	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Оксана Алексеева

Рассветница

Глава 1. Марина

Марина часто сравнивала свою судьбу с игрой в наперстки, в которой есть некий Организатор некой Игры, который и решает, кто станет победителем, а кто проигравшим.

Она всегда считала себя слабой и тихой – такой, которая ничего не способна изменить. Она была ранимой. Вот самая точная характеристика ее личности, которая лежала на поверхности. Ей было семнадцать, когда она почувствовала себя частью какой-то Игры. Человеком, который пытается угадать, где спрятана монетка, но не имеет никаких ориентиров.

Мама ее ранимость называла добротой и душевностью, даже не предполагая возможных последствий такого недостатка. Дочь ее не была ни уродливой, ни глупой – обычная серая мышка, массовка, которой в любой школе или любом коллективе предостаточно. Марина привыкла быть в тени, но из этой тени наблюдала за героем своих грез. Влад, ее одноклассник, всегда бы освещен рампами. Общеизвестный красавец с подвешенным языком – что еще нужно, чтобы произвести впечатление на любую, включая всю массовку серых мышек? Но Марину с пути сбило не его долгое к

ней равнодушие, а наоборот, неожиданное внимание.

На школьных танцах Влад вдруг подошел к ней и потянул в круг. Уже этого было достаточно, чтобы Марина места себе от счастья не находила. Потом проводил домой, а возле подъезда наклонился и поцеловал. Признал себя слепым, раз не замечал ее столько времени. С того дня они начали встречаться. Марина поверить не могла в происходящее, но привыкала, расслаблялась, основательно забывая о своей скучной тени и предыдущей жизни. Ее не трогала зависть других девчонок – она прекрасно понимала их недоумение и разочарование. Но Влад не отступался, он буквально схватил Марину за шкурку, вытащил на свет и вынудил стать другой. И растеряться бы Марине от таких изменений, но нет – Влад всегда был рядом, оказывая поддержку, каждым словом и действием подчеркивая ее уникальность. Через пару месяцев даже последние сплетницы были вынуждены прикусить языки и признать: мечта всех девчонок остановилась на одной и собирается делать счастливой только ее.

Первые поцелуи, первые прогулки, когда двое держатся за руки и обсуждают каждую мелочь, первый секс – все это у Марины случилось с самым лучшим. Постепенно она привыкла к своему положению и уже считала себя неуязвимой. Но через полгода все как-то начало разваливаться, стали случаться мелкие ссоры, а Владу уже не так было интересно слушать каждую мелочь о Марине. Период страстной влюбленности заканчивался, но это не выглядело катастрофой – на-

ступил тот самый этап, когда гормональный сбой переходит в нечто более глубокое, называемое любовью.

Марина в этом не сомневалась, потому и не выдержала потрясения. Застав Влада в клубе целующимся с другой девушкой, она закатила скандал. Он выглядел виноватым, но все же предложил на время разойтись. Мол, отношения, вот такие близкие и постоянные, перестали будоражить кровь. И для Марины, с ее-то непроходимой ранимостью, это оказалось непереносимым ударом. Только тогда она поняла, что никогда до сих пор не была по-настоящему несчастна. В ее серой тени было какое-то спокойствие, равновесие, лишённое любых сильных эмоций. А несчастье в полную силу можно ощутить только после абсолютного счастья.

Она решила, что жизнь кончена, больше ничего светлого не будет, а с такой болью существовать невыносимо. В семнадцать лет даже неприятность выглядит катастрофой, а с Мариной произошла не неприятность, а полный слом всех ее ориентиров. Марина вышла на подъездный балкон и сиганула вниз. Даже о матери не вспомнила. Как и не подумала оставить записку – ей не хотелось винить Влада, а именно так бы и прозвучало. Она просто собиралась прекратить это бессмысленное существование.

И вот тогда полетели монетки из наперстков. Марина сначала зацепилась за провода, потом ударилась о подъездный козырек. Она переломала себе все кости, но выжила. Зато головой приложилась очень успешно – от этого удара из ее

подросткового разума выветрилась вся дурь вместе с влюбленностью. Две недели комы, несколько месяцев реабилитации, дополнительный год в школе, необходимость заново учиться ходить – это все Марина воспринимала стойко, как плату за свою глупость и непроходимую ранимость. Матери она соврала, что упала случайно: и чтобы не добавлять лишних волнений, и из-за чувства стыда. Ей в самом деле было невероятно стыдно.

И, казалось бы, все уроки получены, все правильные выводы сделаны, а Марина уже никогда не будет такой, как раньше. Но Игра не так проста, как хотелось бы. Уже в больнице Марина начала замечать некоторые странности, но поначалу все списывала на травму мозга. А со временем и лечащему врачу перестала сообщать о галлюцинациях – поняла, что так она оттягивает выписку до бесконечности.

Когда Марину перевели из реанимации в общую терапию, начались визиты. Отметились все: учителя, одноклассники, знакомые ученики с параллели и даже те, кто открыто ее ненавидел. Люди могут быть злыми, но у большинства есть граница – беда, произошедшая с Мариной, для них и стала той границей. Забылась и зависть, и недопонимание. Даже плохой человек ощущает себя лучше, когда меняет негатив на бесконечную жалость. Влад тоже приходил – чаще всех остальных. Он, похоже, все прекрасно понял – несложно было связать два события, о первом из которых остальные не знали. Плакал, просил прощения, говорил, что достоин са-

мого худшего наказания, и выглядел при этом отчаянно-искренним. Но удар по голове Марина получила знатный – теперь ей отчего-то стало плевать. Совсем плевать. И это подтверждалось тем фактом, что она даже не подумала, как выглядит в глазах еще недавно любимого: побритая голова, ноги на вытяжке, частичный паралич лицевого нерва – теперь улыбка Марины была немного однобокой, кривой. Все пройдет, но вряд ли это бесконечное равнодушие к человеку, который сначала выдернул ее из тени на свет, а потом выкинул во тьму.

Его визиты только тяготили – и именно ощущением искренности раскаяния. Потому Марина открыто попросила, чтобы он больше не приходил. Влад ушел раздавленным, но Марина пока сама была не в силах облегчить ему моральный груз. А еще ее смущало темное пятно на его лбу, которое поначалу было принято за грязную полосу. Во второй или третий визит полоса была на месте, и лишь на четвертый Марина разглядела, что это вовсе не полоса, а какой-то знак. Сам Влад будто и не догадывался о его существовании, да и никто больше, видимо, замечаний не делал. Пришлось в очередной раз списать на выкрутасы пострадавшего мозга.

Потом возвращение в школу, учеба с классом на год младше, и все со временем наладилось – вылечилось и тело, и сердце. Вот только странности не проходили, а наоборот, становились все более навязчивыми. Теперь Марина у многих замечала знаки на лбу, которые больше никто не видел.

Витой орнамент, но у каждого разный. А вокруг других видела свечение – легкое, едва заметное, но почему-то ассоциирующееся с нимбом. К счастью, большинство людей никаких подобных признаков не имели, Марине и без того было страшно признавать свое безумие.

Она никому об этом не говорила – слишком сильно боялась остаток дней провести в дурке. Но с каждым днем видела все больше. В частности, заметила, что общаться с людьми, вокруг головы которых наблюдалось белое свечение, приятно и легко. Марина ни с кем из них не дружила, но у одной из одноклассниц, Алисы, была эта аура. Девочка довольно скромная, отличница, почти незаметная, но всегда как-то так умела сказать, что на душе легче становилось. Мимо пройдет, поздоровается, а в груди будто свежий ветерок пронесся. А вот те, что были с черными знаками на лбу, – или совсем недавно попадали в крупные неприятности, или по жизни считались невезунчиками. Дениска, их курносый двоичник, глуп как пробка, и семья у него неблагополучная. Никто его не задирает, но Марина со временем стала прочно связывать черный знак на нем и постоянную неготовность к домашним заданиям. Не могла бы объяснить, как одно вызывает другое, но приходила в твердую уверенность, что существует какая-то связь.

А это уже было не похоже на сумасшествие, скорее – на какую-то мистику. И лишь тогда Марина всерьез задумалась: кто-то дал ей второй шанс, которого она не заслуживала. Но

не подарил этот шанс, а то ли продал, то ли всучил вместе с непонятным пока балластом. Все чаще возникали ассоциации с игрой в наперстки с неизвестным Организатором. Начало ее отношений с Владом было неожиданной победой, потом ей долгое время везло, затем проигрыш, провал не просто партии, а потеря всего накопленного выигрыша. И прохода, и подъездный козырек – это монеты. Она не должна была выжить – но, вероятно, она должна была выиграть эту партию. Со временем Марина перестала ощущать себя игроком, собиралось слишком много данных для анализа – теперь она будто наблюдала за игрой со стороны. И она точно была не единственной участницей.

Мама, к счастью, пережила шок, но на здоровье ее он не мог не отразиться. Она и до тех пор страдала то повышенным давлением, то болями в сердце, но теперь стала напоминать сгорбленную старуху. Словно произошедшее накинulo ей двадцать лет сверху. Мама по-прежнему работала учителем в средней школе, других доходов у семьи и не было, но Марина винила себя всякий раз, когда видела со стороны ее изменившуюся походку, мать будто давило к земле.

Однако со временем Марина видела все больше и больше. И примерно через полгода после выписки ощутила ужас, взглянув на пришедшую с работы мать.

– Мариш, возьми пакеты. Что-то совсем сил не осталось. Ох уж эти дети, все силы из меня высасывают!

Она попыталась рассмеяться, подчеркнуть шутку – мама

любила и свою работу, и учеников. Но Марина не могла выдать из себя ни слова. Никаких знаков на лбу у матери никогда не было, но внезапно привиделось совсем другое. На ее плечах, обвив шею малюсенькими ножками и вцепившись скрюченными пальцами в волосы, сидело ужасающе безобразное существо. Совсем небольшое. Марина, преодолевая страх, заставила себя шагнуть ближе, чтобы рассмотреть.

И существо заметило ее взгляд. Уставилось в ответ жуткими огромными глазами, а губы его скривились в омерзительной усмешке. Марина отпрянула, зажав рот рукой, чтобы не закричать.

Мама тут же выпрямилась и бросилась к ней:

– Доченька! Плохо? Так, сядь! Сейчас врача вызову! Голова закружилась?

Мама, конечно, была готова к моменту, если вдруг старые травмы скажутся – врачи об этом предупреждали. Но Марина быстро затрясла головой и выдавила:

– Нет, я в порядке...

Мать еще раз посмотрела на дочь, но не стала давить. Подхватила пакет и направилась в кухню, чтобы разгрузить самой. Сгорбленная, будто ее давило чем-то сверху...

Марина еще несколько минут пребывала в оцепенении. А потом рванула следом, подлетела к матери со спины и со всего размаха ударила – по воздуху, но на самом деле она видела, что бьет прямо в жуткое существо. Тварь зашипела, но не удержалась – она оказалась невообразимо легкой. Отлетела

в угол кухни и приземлилась на четвереньки, с ненавистью уставившись на Марину.

Мама даже не заметила, но сильно вздрогнула, а потом выдохнула – протяжно, долго, с облегчением. И в голосе мгновенно появилась энергия:

– А, доченька, ты тут уже? Я подумала, что восьмое марта на носу. Может, мы завтра тортик купим? Знаешь, иногда надо позволять себе вкуснятинку! Как думаешь?

Марина не думала – она смотрела на шипящую тварь, которая тоже не сводила с нее взгляда. Черные коготочки царапали пол, но отметин на линолеуме не оставалось. Тварь, лишь ненадолго замерев на месте, начала приближаться нервными скачками, а на отвратительном лице появилась злая усмешка. Марина же не могла пошевелиться от вяжущего ужаса.

– Поч-ч-чему ты меня видиш-ш-шь? – проскрипела тварь, растягивая каждый шипящий звук.

Марина снова едва задержала крик в горле, но мама продолжала тем же спокойным голосом:

– Мариш, ты что молчишь? О... господи, какая ты бледная! Сядь!

Она силой усадила дочь на табуретку, всмотрелась в лицо:
– Доченька... Может, все-таки врача? Воды? Да что с тобой?

Понимая, что сейчас доведет самого любимого человека до инфаркта, Марина попыталась ответить бодро:

– Дай воды, пожалуйста.

Мама рванула за стаканом. А тварь все перебирала лапки, приближаясь. И затем прыгнула – высоко, целясь в лицо. Марина махнула рукой, но не попала – существо было намного быстрее. Но боли так и не ощутила – тварь лишь слабо ударила в лоб и отлетела снова на другой конец кухни. Развернулась на четвереньках, но теперь глянула иначе – ни капли предыдущей ярости, скорее страх и удивление:

– Рас-светница?! – от ее шелестящего крика Марина подскочила на ноги.

Тварь тут же метнулась в сторону, вылетела из кухни, а потом вонзилась во входную дверь. Запертую, между прочим. Марина одеревенело наблюдала, как существо отчаянно втискивается в миллиметровую щель. И ему удалось! Сбежало, будто Марина испугала его сильнее, чем оно Марину. Убедившись, что тварь исчезла, Марина посмотрела на мать, которая с растущим волнением следила за дочерью.

– Мам, ты как себя чувствуешь?

– Я?.. – та опешила и протянула стакан с водой. – Как ты себя чувствуешь, Мариш?

– Кажется, хорошо...

И отчего-то не слишком удивило, что мама стала меняться – словно за пару дней скинула двадцать лет. Она на глазах превращалась в энергичную, боевую женщину, а еще через пару недель заявила, что, пожалуй, согласится на должность завуча. Кому, если не ей, брать на себя такую ответ-

ственность?

После этого случая Марина уже не думала о сумасшествии. Еще какое-то время она везде высматривала эту тварь, но ни на матери, ни на остальных не видела. Однако забыть случившееся уже не могла.

Ей не просто дали второй шанс – ее обязали к чему-то. Подарок с подвохом. Или наказание за глупость. Точно, второе звучало логично: Марина не заслужила жизни, но получила ее. И теперь она вынуждена каким-то образом заплатить за прыжок с балкона.

После окончания школы Марина поступила в институт. У нее и раньше не было проблем с успеваемостью, а за дополнительный год в школе она подготовилась бы к любым экзаменам. Могла бы и не пропускать год, но мама настояла – чтобы реабилитация прошла успешно. Выбор у Марины был огромный, она металась между психологией и педагогикой. Но остановилась на последнем, а в решающий момент еще и перебросила документы с одной специальности на близкую, выбрав вместо физики профиль информатики. Даже факультет не поменяла, но приняла такое решение сразу, как только узнала, что Алиса поступает на информатику. Разницы большой не было, но Марина отчего-то хотела быть поближе к этой девочке и ее светящейся ауре. Так и вышло, что они оказались в одной группе. Хоть раньше близкими подругами и не были, но теперь сошлись – так часто бывает, когда вливаешься в новый коллектив, но со старыми знакомства-

ми. Помимо прочего, Марина всерьез считала, что они чем-то похожи. Хоть Алиса настолько забитой, как раньше она, не была, но тоже отличалась неконфликтностью и добродушием. Лишь бы только не ранимостью! Повышенную ранимость Марина теперь на дух не переносила и себе подобного не позволяла. Она вообще очень сильно за истекшие два года изменилась, но Алиса напоминала ей ее саму в прошлом – правда, в самом лучшем, идеальном воплощении.

И еще Алиса умела привлекать к себе людей, все подсознательно хотели оказаться рядом. Таким образом и Марина попадала в центр внимания, а иначе совсем бы замкнулась в себе. Мистические события не закончились, Марина теперь замечала все больше – странные свечения, знаки и, как будто этого было мало, странных существ – они не были похожи на первую тварь, но они были. Конечно, Марина ни с кем не могла этим поделиться, она утешалась хотя бы тем, что в простом дружеском общении может отвлекаться.

Кроме того, Марина стала меняться – темные волосы отросли, но были еще по-прежнему не слишком длинными, хромота полностью прошла, а улыбка оставалась едва уловимо кривой. Однако теперь это уже не делало ее лицом безобразно перекошенным. Парни начали обращать на нее внимание – то ли Марина превратилась в красавицу, то ли перестала всего подряд смущаться, чем раньше отталкивала. Самой Марине их внимание претило – она давно простила и забыла Влада, просто точно знала, что никогда больше не осме-

лится влюбиться. Она не пыталась выглядеть таинственной, но излучала это, как Алиса свою ауру – никто не мог увидеть или понять до конца, все просто чувствовали на подсознательном уровне. А загадки всегда порождают интерес их разгадать.

Сама же она не представляла, что со своими секретами делать. Даже у Баффи, мать ее, истребительницы вампиров, был личный библиотекарь, который объяснял той предназначение и закрывал пробелы. А у Марины никого не было – она видела многое, анализировала увиденное, но понятия не имела, как с этим знанием поступать.

Глава 2. Илья

Илья замер в коридоре. Кажется, он уже видел эту девушку, когда с одноклассниками оценивал абитуру. Илья не был легкомысленным бабником, но вынужден был согласиться с друзьями – последний курс института надо провести как можно веселее. Среди первокурсниц попадались и настоящие красотки, а на эту он тогда лишь мельком глянул и тут же забыл. Не в его вкусе. Илья считал, что девушка, не умеющая пользоваться тушью для ресниц или вообще не заботящаяся о том, каким мешком висит ее юбка, вряд ли любит себя настолько, чтобы кто-то всерьез полюбил ее.

Но, выйдя с пары, чтобы позвонить, он замер. Она шла по коридору, навстречу ему, глядя себе под ноги. И вдруг будто обо что-то запнулась и уставилась в сторону. Илья перевел взгляд и увидел гуля, совсем крохотного и еще незрелого. Демоненок тоже ошарашенно уставился на девицу, явно пребывая в шоке. К вниманию Ильи он давно привык, а тут нате – новая зрительница. Девушка побледнела, дернулась и заставила себя шагать дальше, оглядываясь – как если бы боялась, что гулькин кинется ей вслед. Зачем ему кидаться? Гули – падальщики, могут питаться всякими отбросами, хотя предпочитают трупы. Живым от них никакого вреда нет. Этот и в институте-то жил по одной причине: со столовой много отходов, которые можно красть и складывать где-ни-

будь в подвале, чтобы подпортились. А еще он был слишком слабеньким, чтобы мотаться по миру. Здесь тепло, сытно и безопасно. К тому же здесь пока есть Илья, который не позволит сильным демонам обжиться. Они ни разу не общались, но для их мирного соглашения и не требовались слова. Гуль знал, что Илье до него нет дела, а Илья знал, что если появится более жуткая сущность, то гуль забудет про неприязнь и помчится к нему за защитой.

Однако по реакции девицы можно было определить, что она просто его увидела, и ничего больше. Если она рассветница, то с какой стати так перепугалась? Была бы закатницей, тоже пугаться нечего – им как-то даже по статусу было резонно по-приятельски поздороваться. Гулю-то точно закатница здесь не менее выгодна, чем рассветник Илья.

Девушка ему самому уделила гораздо меньше внимания, чем гулю. Просто прошла мимо. Илья забыл про телефон и окликнул:

– Привет! Тебя как зовут?

Она глянула на него со злостью и не ответила. Все-таки, скорее всего, закатница – рассветники вряд ли способны впадать в ярость вот так сразу и на пустом месте. Он смотрел ей в спину, пока она не скрылась за дверями библиотеки. Гуль нерешительно подковылял к нему и впервые решился на общение:

– Че-т я не понял, – голос его был высоким и смешным. – Новая рассветница или закатница с крашенными волосами?

Илья усмехнулся и пожал плечами:

– Без понятия. Может, экстрасенс. Они иногда видят демонов.

– Мо-о-ожет, – на высокой ноте протянул гуль. – Вот бы закатница! Тогда бы здесь наступило полное равновесие!

– Какое тебе равновесие? – с недоумением посмотрел на него Илья. – Я в конце года институт закончу, а она вроде только начала. Снова не будет тебе никакого равновесия.

Гуль насупился и, нелепо переваливаясь с бока на бок, покатился по своим делам.

Илья вспомнил о мобильнике и нажал на последний входящий номер. Ответил ему женский старческий голос:

– Это же Илья? Илья же?

– Да, – он мигом собрался. – Что у вас случилось?

– О, Илюша... – она будто бы удивилась. – Я твой номер кое-как разыскала. К гадалке пошла, от нее к другой гадалке, а третья не стала с меня деньги тянуть, а про тебя рассказала. Помоги, сынок!

– Да что случилось-то?

Бабуля говорила сбивчиво, но рассветник обязан проявлять терпение:

– Как пить дать домовой! Вот на сто процентов я уверена! Кому ни скажу – смеются. Но я вчера крынку в холодильник поставила, а утром гляжу – на столе, скисло. И нитки он мне все путает! И вообще жизни не дает! А внуки смеются... я говорю им – выгоняет меня домовой, а они только смеются,

и все тут!

Домовые бывают вредными, но они добряки и никогда не хотят выселить жильцов. Бывает у них склочный период – вещи спрятать или еду проквасить, но не со зла – это их способ общения или уроков. Домашний дух вредничать начинает, если что-то ему не нравится – гость какой или перестановка мебели. Но если с этой же бабулей завтра что-то случится, то домовой и собаку соседскую приведет, чтобы лаяла погромче, и таблетки под руку подсунет. Конечно, это не профиль рассветников, но где искать закатника Илья и не предполагал. Потому придется ему поговорить с духом и потом бабуле передать, по какой конкретно причине тот ей жить мешает.

– Ясно. Говорите адрес – я сегодня вечером загляну.

Ее голос изменился, стал вкрадчивым:

– Ты это... У меня, сынок, пенсия небольшая, но ты скажи сколько – я у соседки займу.

– Бесплатно. Говорите адрес.

Илья так и не решился ни разу взять деньги за труды, хотя знал, что многие так поступают. Но это со временем, когда уже рассветная деятельность мешает нормальной работе. Там хочешь не хочешь, а ценник поставишь. А иначе или с голоду помирать, или бросать. Но лучше уж деньги со старушек требовать, чем бросить.

Но тем не менее пока решиться он не мог. Рассветником можно стать только после какого-то страшного поступка, это

искупление. Вот и искупаешь безвозмездно, пока не прижмет. Илья до сих пор не осмеливался переступить эту черту, да и необходимости не было – отец... точнее, отчим хорошо зарабатывал на адвокатуре и выделял на содержание сына достаточную сумму. У Ильи была и своя квартира, и старенькая машина. Но вскоре он получит диплом и устроится на работу, все вернет с лихвой – отец в старости тоже без поддержки не останется. Тогда и... тогда можно и подумать, брать ли деньги за свои услуги. Илья выложил объявление в интернете и местной газете, а также общался со всеми экстрасенсами – сделал все, что мог, чтобы жертвы злых духов могли его разыскать. А теперь оставалось расхлебывать последствия такой душевности – заказы были всегда. Люди, сильно далекие от мистики, тоже часто сдавались – демон любого мог доконать. И когда они сдавались, то пересматривали все свои установки и выходили на Илью. В их маленьком городке не было ни других рассветников, ни закятников – только если приезжали специально на заказ. Не было. Как думал Илья до сегодняшнего дня.

Рассветником можно стать только за что-то действительно страшное, чтобы у человека потом даже сомнения не возникло, что надо искупить грехи. Что именно искупают закятники – Илья и предположить не мог. Он за всю жизнь только с двумя встречался, и задушевные разговоры между ними не предполагаются. Тогда дело было совсем не Ильи: хранитель так опекал своего подопечного, что сделал его практически

бессмертным. Девяностопятилетний старик, полностью осознав свою неуязвимость, навел шороху во всем поселке – он и девок молодых доставал, и воровал у соседей, и в конце даже разбоями начал промышлять. Отчего у его хранителя возникла такая страсть к опеке – так и осталось загадкой. И он не слышал доводов разума. Закатники с ним разговоров и не вели, Илья тогда впервые видел полное уничтожение доброго духа. А затем и старик слег, через неделю помер. Хранители есть далеко не у всех людей, их на всех просто не хватит, а этот человек даже представить себе не мог, какое счастье на него свалилось, но счастье это повернул несчастьем других.

Любовь зла – эта поговорка точно о хранителях. Они сами выбирают человека и не оставляют его до самой смерти. На первом курсе, кстати, учится одна – Илья заметил на ней хранителя, который выражается белесым сиянием, но не придал этому значения. К сожалению, хранители далеко не всегда выбирают добрых или честных. Их просто переключивает, пока они не вцепятся в предмет обожания, чтобы оставаться верными своему выбору всю жизнь подопечного.

У рассветников работы было, конечно, намного больше, чем у закатников. Редко когда добрые духи донимали кого-то настолько, чтобы требовалось вмешательство равновесных сил. Больше зла – больше инструментов борьбы со злом, это логично. Как и кем все так устроено – Илья уже давным-давно не задумывался. Рассветником он стал в две-

надцать, по счастью, в его доме обнаружился домовой. Он все мальчику на пальцах объяснил, но демонов все называли по-разному. Многие даже демонами не называли. Илья для себя придумал собственную терминологию, на нее и опирался. А при редких встречах с союзниками или противниками все легко понимали, о чем конкретно идет речь. Ведь нет общей школы для служителей равновесия, каждый учится так, как ему первый попавшийся добрый дух или хранитель, если таковой имеется, объясняет.

Нужный дом оказался последним в ряду частного сектора. Убогая халупа, уже наполовину вросшая в землю. Бабуля сидела на завалинке в ожидании гостя, и как только Илья подошел к калитке, счастливо заулыбалась и резво бросилась к нему. Поприветствовали друг друга, но тем временем Илья тщательно осматривался.

– Вы давно здесь живете?

– Да всю жизнь! Как замуж вышла сорок лет назад, так здесь и жили. Муж умер, дети разъехались, а мне уж куда подаваться?

– Когда ваш супруг умер?

Она окончательно растерялась и улыбаться перестала:

– Так... весной уже четырнадцать лет как...

Илья смотрел на перекошенные от времени рамы, на завалившийся с краю забор. Нет здесь никакого домового, старушка ошиблась. Домовой не допустил бы такой разрухи. Он мог не вмешиваться только до тех пор, пока мужик в доме

был, но раз женщина одна здесь осталась, то непременно бы хоть забор поддержал... И не позволил бы мху оплести почти всю северную сторону. Илья тяжело вздохнул:

– Вам есть где переночевать?

– А ты что же, тут один останешься?

– Так надо, – уверенно ответил Илья.

Бабуля принялась озираться по сторонам в страхе – но боялась она сейчас не домового, а что сам Илья окажется мошенником. Повыносит из дома ее небогатые пожитки, что потом делать? От этой мысли захотелось смеяться, но Илья направил ее уверенно в дом:

– Покажите мне, что внутри.

Да. Воровать там при всем желании нечего. Если только у вора нет тайной страсти к перекошенному серванту или облупленному комоду. Хозяйка все еще сомневалась – металась из угла в угол, то чайник поставит, то к платяному шкафу подойдет. Похоже, там она хранила свои сбережения. Но уже темнеет, ее надо выпроваживать. Илья надавил:

– Я пока по двору пройду, а вы собирайтесь, – многозначительно глянул на платяной шкаф. Быть может, до нее дойдет, что если она заберет все деньги или что там у нее, так и уйти будет проще. – Вам есть, где ночь провести?

– Ну... – она заметно расстроилась. – К бывшей невестке разве что. Скажу, что тараканов потравила... Поди не прогонит.

– Да... – Илья почти ее не слушал. – Тараканов...

Он обошел дом со всех сторон и убедился в своей правоте – здесь нет и никогда не было домового или любого другого вида хранителей. Выпроводив хозяйку, снял с плеча рюкзак. Вытащил горсть охранных амулетов. Сначала выбирал, а потом решительно принялся надевать на себя все по очереди, не представляя, с кем может столкнуться: на шею, на запястья, даже кровавый перстень от банши на всякий случай. Побрякушки, конечно, мешали, но Илья гордился своей осторожностью. Само собой, у каждого рассветника есть защита, но помогает она только при столкновении со слабыми сущностями. А тут может оказаться и могущественный демон, какой-нибудь треклятый Вельзевул. Илье пока ни разу не приходилось сталкиваться с такой силой, но вряд ли легенды врут. Ему ли не знать, что легенды правдивее реальности?

Едва только стемнело, Илья переместился на пол кухни – показалось, что здесь и есть самое посещаемое место. Свет включать не стал. Если он хочет справиться за одну ночь, то незачем пугать духа. Но ничего не происходило. За полночь уже и глаза начали слипаться. Илья вскочил, попрыгал немного для бодрости, потом прошелся по всему дому, натываясь на углы и мебель. Было довольно темно, свет луны слабо проникал внутрь. Илья вглядывался в пол, стены и решил, что даже если сущность объявится в двух метрах от него, он не заметит. Потому вытащил из рюкзака свечу со спичками и зажег. Такое освещение тварей не пугает, а даже

наоборот – вызывает любопытство.

И снова ничего. Илья, чтобы не уснуть, вынул из кармана сотовый, порезался в змейку. Сам заметно расслабился. Сильный демон не стал бы прятаться – незачем. То есть, скорее всего, сюда забрел или гуль, или какой-нибудь леший. В лесах теперь не особенно разгуляешься, а тут дом на самой окраине, если выжить хозяйку, то можно лет на пятьдесят залечь в спячку и надеяться, что при пробуждении леса, как и лесников, станет больше – простор для лешей деятельности. Хотя вариант маловероятный. Или... Илья аж подскочил на месте, проклиная собственную глупость. Потом снова сел на пол, снял с правой руки защитные амулеты и принялся чертить пальцем знак призыва. Отметил попутно, что пол совершенно чист, ни пылинки.

И только он закончил, как за спиной ощутил чужое присутствие. Это не дыхание, не звуки, просто твердая уверенность. А, ну разве что немного похолодало, будто в другой комнате кто-то форточку открыл. Резко обернулся.

Она висела в воздухе. Страшное черное лицо с неестественно разинутой челюстью. Одета в белое, длинное платье, наподобие ночной рубахи, которое текло от самой шеи и постепенно переходило в размытое белесое пятно. Призрак какой-то дамы смотрел на Илью, сильно наклонив голову к плечу.

Это зрелище только в первый раз шокирует до такой степени, что не чувствуешь ни рук, ни ног от ужаса, а крик за-

стреваает в горле. Но Илья призраков уже видел – они всегда уродливы, независимо от того, какой внешностью обладал умерший человек. Просто черные зияющие провалы на месте глаз и рта никому очарования не прибавляют. Но это было не обычное привидение. Если оно могло пакостить хозяйке, то является полтергейстом. Можно сказать, что бабule повезло – полтергейсты набирают силу со временем. Еще немного, и эта могла запросто придушить старушку во сне.

– Ты кто? – тихо спросил Илья.

В принципе, это и был самый важный вопрос. Призрака так просто не изгонишь – ему не страшны ни амулеты, ни серебро. А уж серебра боится почти вся нежить. Но у этих же нет тел, чистый дух, потому и столько церемоний. Например, следует начать с выяснения – кто был этот человек и зачем сюда явился.

Висящая в воздухе дама раздвигала рот. Похоже, не умеет говорить. Мало какие из полтергейстов умеют. Но по движению ее рта Илья догадался, что она вряд ли представляется. Что-то типа «рассветник», «сдохни» и подобное. Недовольна дама, не рада гостю, и ежу понятно.

Но теперь больше ничего не сделаешь. Хоть какой там полтергейст, но защиту рассветника не пробьет. Потому Илья зевнул, завалился на диван и мгновенно уснул.

Хозяйка вернулась рано утром. Заметно обрадовалась, что и комод ее обшарпанный, и сервант перекошенный на месте, побежала ставить чайник, а уже потом подошла к

проснувшись Илье:

– Ну, как, сыночек, убил ты домового?

– Убил? Я изверг, что ли, типа закатника, чтобы домовых убивать?.. – не соображая спросонья, ответил Илья, потом сел и с удовольствием потянулся. – Нет у вас тут никакого домового. Но кое-что имеется...

Бабуля охнула, ручки к щечкам прижала и рухнула в кресло. Но только она и могла решить собственную проблему, потому Илья потерял глаза и начал спрашивать:

– Знаете ли вы, кто здесь жил до вас?

– А... Так родители мужа и жили. Но померли они уже давно!

– Стариками померли?

– Стариками, стариками... Дай-ка припомню. Свекровке почти семьдесят было, а свекру...

Илья перебил. Хоть призраки и уродливы, но кое-что о них точно можно сказать. Например, ночная дама не была пожилой на момент смерти.

– Понятно! Бабуль, а больше никто не жил? Вспоминайте, вспоминайте.

Она только руками развела, и тогда Илья вспомнил о последней возможности – к счастью, в домах стариков эту возможность часто можно было использовать. Что, интересно, будут делать рассветники лет через пятьдесят, когда вообще все семейные альбомы и портреты в историю уйдут?

– Нет ли снимков каких?

– Есть, конечно!

И удивляться нечему. Такие обычно хранят все архивы, как самое главное свое сокровище. Бабуля, пыхтя, носила из шкафа все альбомы и складывала стопкой на диван, но Илья сразу выхватил тот, который выглядел самым старым. Черно-белые снимки, нелепые платья и постановочные подкрашенные фотографии. А бабуля ничего так в молодости была! И муж еще – такой суровый, здоровенный мужик. Илья искал, пока не откопал снимок его совсем молодого.

– А это кто? – он ткнул на девушку, стоявшую рядом с сопливым мальчуганом.

– Так это... сестра Егоркина. Болела она чем-то, я уже не вспомню, и умерла еще до того, как мы с ним познакомились.

Скорее всего, не болела, а была убита. Но сейчас уже хвостов не догонишь. Осталось закончить:

– Это она вас из дома выгнать хочет. Так-так, ну-ка не бледнеть! У вас валидол где?

Но бабуля была боевой, советской стальной закалки. Она взяла себя в руки, а волнение выдавалось только задрезавшим голосом:

– Как же?... И где ж была она столько лет, если всегда тучки оставалась?

Илья пожал плечами:

– Возможно, кто-то потревожил ее могилу. Ведь она где-то недалеко похоронена?

– Ну да... Родителей и Егорку с ней рядом хоронили...

Рассветник встал и бодро сказал:

– Тогда давайте по чайку, а потом на кладбище. Погода сегодня отличная, самое время гулять!

Да уж, кремация решала бы многие проблемы. Если тело потревожили, то у Ильи следующая ночь будет еще веселее предыдущей, но спутнице об этих тонкостях лучше не знать. У нее заметно тряслись руки, когда она наливала чай и поддвигала тарелку с печеньями. Но Илья знал цену этой выдержке – с таким человеком он и в разведку бы пошел. Порой молодые и вроде бы сильные в штаны делают, а у нее просто руки немного трясутся, да голос подводит.

Оказалось, что могила в порядке. Даже оградка целая, а холмик сверху весь зарос лебедой – верный признак, что тревог не было и душа ее давно должна была покинуть это место. Илья в детстве часто задавался вопросом, куда же отправляются эти самые души, но так и не придумал. В потусторонние миры он верил – он сам тому был живым доказательством, но не мог себе представить ад или рай так, как рисуют их в религиозных источниках. Наверное, человеку и не нужно этого знать до самого конца, даже рассветнику. И потому Илья перестал мучиться этим вопросом.

К сожалению, проблема была нерешаема. По пути назад он допрашивал уже о каждой мелочи, за которую можно было бы зацепиться:

– Может, вещь ее какая в доме осталась? Вы хорошенько подумайте, это важно! Снимки ее сожжем, но призраки

обычно привязываются к какой-то вещи – чему-то очень для них значимому. Икона, нательный крест... Ничего такого?

– Да нет же, – бабуля разводила руками. – Или я знать об этом не знаю.

– Или вы перестановку делали незадолго до того, как все началось? А может, находили что-то?

– Находила! – через минуту вспомнила хозяйка. – Но не крест только!

Илья заторопил:

– Да говорите же уже!

– Летом внуки приезжали, с ними мы в подвале немного ремонт сделали. Там балки перекошились – вот-вот рухнут. Ну, думаю, хоть досками подбить, авось еще лет десять продержатся. И там, в одной из балок трещина такая пошла, а внутри дупло. Ну, вот там я ножик и нашла. Кто-то спрятал давным-давно. Старый ножик, красивый, с резьбой на рукояти.

Вот и склеилось. Девушку ту убили, это и до сих пор было ясно. Умершие своей смертью редко возвращаются и никогда для зла. И если орудие убийства спрятали, а потом его тронули, то она и проснулась.

– И где нож? – теперь строго говорил Илья.

– Да положила где-то... Он так-то красивый, но тупой и в хозяйстве непригодный.

И то хорошо, что она им продукты резать не начала. Нож отыскали быстро – в самом деле красивый, старинный. Та-

кой и аукционистам продать можно. Жаль, что не выйдет. У Ильи в гараже мини-плавильня – там ножик и закончится, отпустив наконец-то неприкаянную душу туда, где ей быть полагается.

– И что? Больше ее не будет? – с надеждой спрашивала бесстрашная бабуля, которая вызывала в Илье все больше уважения.

– Не будет, Марья Семеновна. Обещаю.

– А почему ж она к ножику-то привязалась? Что ж в ножике такого?

Илья не ответил. Наивной хозяйке подробности ни к чему. Если оружие было спрятано в доме, то убийца наверняка кто-то из своих – быть может, даже ее покойный муж. Или свекор. О таком сообщать уже поздно, какая теперь разница?

– Постой-ка! – защебетала бабушка. – Погодь маленько, я хоть обед приготовлю, накормлю.

Но Илья отказался, спеша в гараж. Дела надо заканчивать так быстро, как только возможно. Он минут двадцать на своей тархтящей старенькой Тойоте ехал, а думал все об одном и том же. Молодую девушку убил кто-то из родственников, но это удалось скрыть. Вот она где-то в подвале и спала в ожидании своего часа. Чтобы хоть кто-то об этом узнал, даже спустя полвека. Страшное преступление, которое не позволяло ей обрести покой.

Страшное преступление... Страшнее и придумать сложно. Убийц на свете много, но вот такие преступления, ко-

гда родной родного убивает, бесследно не проходят. Илья согнулся под тяжестью мыслей. Он стал рассветником в двенадцать, когда убил отца. Тот много пил и избивал мать. И в один из таких буйных вечеров мальчик не выдержал. Он подлетел к отцу сзади и ударил со всего размаха по голове обухом топора. Глухая деревня, где все друг друга знали, но никто ни разу не встал на защиту. А тут – такое потрясение для всех жителей. Малолетний отцеубийца!

Милиция дело закрыла. Впервые синяки и кровоподтеки матери принесли пользу. Тут же была чистая самооборона, ребенок защищался от домашнего тирана и защищал маму – кто сможет всерьез осудить? Но только Илья знал, что он не защищался, в момент удара он хотел именно убить. Стереть с лица земли, а не просто остановить. Тогда он совершил тяжкий грех, который будет искупать всю оставшуюся жизнь. Но другие восприняли иначе и не косились вслед. Так легче – считать, что произошел несчастный случай, до которого никто не хотел доводить. Илья не спорил. Однако они с матерью в том доме жить больше не могли, продали и переехали в поселок. В тот же год Илья чуть не утонул, но каким-то чудом или даже сверхъестественной силой его буквально вытолкнуло на поверхность. И сразу после он начал видеть странные вещи. В новом доме жил домовый, который и объяснил Илье всю суть рассветников, как ими становятся и что следует делать дальше. Это не тот долг, который можно отложить. Зато, каждый раз совершая доброе дело, Илья

чувствовал, как груз на сердце становится легче. Он всегда будет отцеубийцей, но ему второй шанс дан не просто так – он теперь не только ходит по земле и потребляет свою норму кислорода. И в этом спасение.

Уже через пять лет мать Ильи познакомилась с приехавшим в командировку юристом – замечательным мужчиной. Она дождалась своей порции счастья, а Илья наконец-то получил хорошего отца, который помог им обоим забыть о предыдущих бедах. Мама мужа любит бесконечно, но в этой любви и много благодарности. По сравнению с тем, что ей приходилось видеть до сих пор, отчим действительно оказался замечательным человеком. Теперь она жила в ласке и достатке, а у Ильи... у Ильи свой путь, определенный всего лишь одним решением одиннадцатилетней давности.

Глава 3. Алиса

Марина всегда казалась Алисе странной, хотя она понятия не имела, какой девушка была до падения и тех серьезных травм, о которых говорили по всей школе. Но под определением «странная» Алиса не прятала никакого негатива. Кто может представить, что той пришлось пережить? И если ее замкнутость есть следствие страшных болей, то какие возможны осуждения? Но когда Марина поступила в ту же группу, что Алиса, им пришлось общаться больше, и странности уже бросались в глаза.

Алиса никогда не спрашивала Марину о Владе. Опять же, чтобы не затронуть какую-нибудь болезненную точку. Они вроде бы встречались, но после той трагедии разошлись. Красавчик Влад, в которого была влюблена каждая девочка с пятого по одиннадцатый класс, наверное, попросту бросил бедняжку, когда та еще была в больнице. О таком лучше и не спрашивать, само собой. Кстати, совсем недавно Алиса встретила с Владом на улице, они почти не были знакомы по школе, но здесь поздоровались и немного поговорили. И он потряс ее воображение: два года назад его можно было на обложки дамских журналов прямо в школьной форме размещать, а теперь сильно сдал. Кажется, много пил, потрепанный вид наталкивал на эти мысли. Сказал, что не поступил в институт, а устроился куда-то на работу. Алиса не расслы-

шала, куда именно, но переспрашивать не стала. А потом все думала о нем – не меняются так люди! А если и меняются, то не так быстро. Есть те, кто излучает успех, Влад был именно таким. Так что случилось за два года, что он из первого красавца превратился в типа бомжеватой наружности? До сих пор очень симпатичного, но еще через два года не останется и последней капли бывшего лоска. А может быть, это наказание для него? Что бросил свою девушку, когда не знал точно, сможет ли она ходить, не останется ли инвалидом? Или муки совести? Алиса считала справедливыми оба варианта, но Марине о встрече не сообщила. По той же самой причине – если есть рана именно в этом месте, то какой смысл ее трогать?

Теперь они общались часто. Алиса, видя, что Марина ни с кем сойтись не может, не позволяла себе оставить ее. Она и с мамой ее познакомилась, и вообще была в курсе почти всех дел. Подруга была приятна ей – умна, интересна, не способная на зависть или ненависть. С Мариной Алиса сдружилась бы и без дополнительной жалости. Но все-таки странности игнорировать становилось все сложнее.

Однажды они выбрались вдвоем в кафе. Марина возвращалась с подносом от стойки и вдруг замерла, как вкопанная на месте, глядя немного вверх. А потом и сказала в воздух, словно разговаривала с кем-то высоким:

– Нет, я не знакомлюсь!

За столиком рядом парочка это тоже уловила и захихика-

ла. Марина обошла это место, словно что-то стояло на ее пути, села напротив Алисы и легко улыбнулась. Тогда Алиса уже не смогла сдержаться:

– Как ты себя чувствуешь, Марин?

– Нормально, – та явно удивилась вопросу. – Ты о чем?

Алиса сильно смутилась, не представляя, стоит ли говорить сумасшедшему в лоб, что у него отклонения. Опустила краснеющее лицо, пробурчала извиняющимся тоном:

– Да ничего, просто ты странно... ну...

– А, – бодро ответила Марина и наклонилась к подруге, чтобы говорить тише. – Ты о том перце? Симпатичный, конечно. Но если честно, у меня просто аллергия на симпатичных парней. Считаю это фобией. Ты уже, наверное, заметила, что я и в институте ни с кем из них даже говорить не хочу... Алис, мне просто не нужны отношения, хотя, наверное, ты считаешь меня грубой.

Алиса, открыв рот, смотрела на подругу. Да, она ее фобию давно заметила, но прямо спрашивать не решалась. Говорит, аллергия на симпатичных? Неудивительно, если предположения о Владе правдивы, такая боль вряд ли забывается. Пусть и глупо переносить мнение с одного красавчика, у которого оказалась кишка тонка поддержать любимую в самый сложный момент, на других. Но здесь-то никого не было! Марина отшила воздух перед собой, который, по всей видимости, ей сказал что-то приветливое...

Последствия серьезной травмы мозга. Надо бы сообщить

маме Марины, а это сложный разговор. У Алисы просто не хватало смелости и правильных слов, но с того дня она стала приглядывать за подругой внимательнее. Если повторится, то выхода уже не будет, к сожалению. Быть может, специалисты помогут бедной девочке, но не станут отправлять ее в психушку...

Недели через две после посиделок в кафе, они вместе шли на обеденный перерыв. И вдруг Марина остановилась и сказала:

– Ты иди пока, я в туалет заверну. Встретимся в буфете.

Вроде бы ничего необычного, если бы не волнение в голосе. Алиса повернулась и наблюдала, как Марина бежит по коридору обратно, словно кого-то преследует. И, конечно, пошла за ней. Нашла она подругу действительно в туалете, да вот только в мужском. Еще из коридора слышала ее голос и осторожно открыла дверь. К счастью, больше там никого не было, а Марина, закрывшись в одной из кабинок, разговаривала сама с собой:

– Да что ты за тварь такая?.. А, не кусайся! – пауза. – Рассветница?! Да что это значит? – опять пауза, словно она слушала ответ. – Не выпущу, пока не ответишь нормально!

Алиса охнула и этим выдала себя. Через несколько секунд дверца отворилась, а Марина со страхом взглянула на подругу. Крепко сжатый кулак она держала на уровне плеча, затем чуть потрясла им, но не разжала.

– А-Алиса?

Алиса не могла теперь ни уйти, ни сделать вид, что ничего не происходит. Подругу надо сначала увезти к матери, а потом с той серьезно поговорить. Она не смогла бы себя уважать, если бы и сейчас струсила.

– Мариш... пойдём отсюда, милая.

– Я понимаю, как это выглядит, Алис! Но... Что?

И она уставилась в воздух под своим кулаком. Сосредоточенно выслушала тишину, а потом разжала пальцы – как если бы что-то отпустила.

Алиса повторила увереннее:

– Мариш, я сегодня плохо себя чувствую. Хочу попросить тебя уйти с пар. Поехали, дома отлежусь.

Но та смотрела осмысленно и очень внимательно. Потом подошла ближе.

– Так это у тебя хранитель?

– Что? – Алисе становилось все более жутко.

– Та мелкая тварь сказала, чтобы я не его спрашивала, а твоего хранителя... Вот ведь. А я даже не знала, как это называется.

– Что называется, Мариш?

– Твое белое свечение.

Алиса не собиралась трустить, но спонтанно отступила на шаг. Про такое в фильмах смотришь, в книгах читаешь, а когда прямо перед собой видишь проявления безумия, то и не знаешь, что делать.

Но Марина рассматривала ее волосы, как будто пыталась

там что-то отыскать. И бормотала полную несурзаицу:

– Хранитель, где ты? Ответь, потому что мне очень нужна помощь... Любая помощь!

Помощь ей действительно нужна, не поспоришь. Алисе захотелось забиться в угол и разрыдаться от бессилия. Она проклинала себя за то, что столько времени общалась с бедняжкой, но не удосужилась выяснить, что же делать в случае кризиса. Однако Марина вдруг распахнула глаза и замерла. Потом посмотрела в глаза Алисы и сказала совсем другим тоном – намного более радостным:

– Алиса, мне надо тебе многое рассказать! Но... начну с... Слушай, у тебя есть хранитель! И он мне ответил! Подожди...

И снова пристальный взгляд на волосы, а на лице появилась и расширялась счастливая улыбка. Минута тишины и очередные сбивчивые объяснения:

– Он любит тебя, Алиса! Считает самой лучшей на свете! Но он не всегда был с тобой... с девяти лет!

Алиса замерла. Теперь ей уже не хотелось разрыдаться в углу, но начало трясти. Марина будто бы слушала невидимого собеседника, а потом объясняла ей:

– Да, с девяти! Твои родители хотели разводиться, тогда он тебя и нашел... Но сейчас в твоей семье мир и согласие! Хранитель так сильно тебя любит, что не мог допустить...

Теперь Алису не трясло, а натурально заколотило. Руки онемели, и стало очень холодно. Марина просто не могла

этого знать! Алиса не рассказывала об этом никому, потому что не хотела рассказывать. Родители всегда скандалили, она до сих пор это помнит. Но потом внезапно передумали разводиться... как раз, когда ей было девять лет. Все нормализовалось, как-то само собой. Ах да, Алиса тогда очень сильно заболела – мама и папа так испугались, что забыли о разногласиях. И даже много лет спустя они вместе! Алиса думала, что причиной стала ее болезнь...

– Еще хранитель тебя неоднократно спасал. В автомобильной аварии... он так говорит.

Ей было пятнадцать, когда в них врезалась иномарка с пьяным водителем. Машину развернуло вокруг оси, а бочину снесло начисто, так и не смогли восстановить. Тогда еще долго смеялись, что все отделались только легким испугом. Двадцать сантиметров вперед – Алису бы точно задело. Тетка тогда еще приговаривала, что ангел-хранитель ее защитил. Ангел. Хранитель.

Теперь Алису не колотило, просто силы оставили так внезапно, что она покачнулась. Но Марина подхватила ее за руку и потащила в коридор:

– Поехали ко мне. Я многое тебе расскажу! А твой хранитель многое расскажет мне. Надеюсь.

И радостно рассмеялась, будто нашла какую-то разгадку, которую долго не могла отыскать. Мамы ее дома не было, и хорошо. Алисе требовались и хлопки по руке, и повторения по десятому кругу, и очень много времени, чтобы все уло-

жить в голове. Зато через три часа она рассматривала Марину, как если бы впервые увидела.

Попытка самоубийства... Но о роли Влада она все же почти угадала, хоть и совсем в другом свете. Демоны, мерзкие твари, которые сидят на плечах у жертв, непонятные знаки на лбах и... хранители. Мало кто из людей может похвастаться такой прекрасной ношей, и Алиса была одной из них! А ведь она подсознательно об этом догадывалась – ей всегда везло на людей, всегда проносило мимо несчастий. Она считала себя везунчиком, а тут... Да нет, она и была везунчиком – пусть все ее везение и сводилось к тому, что хранитель полюбил именно ее. Ей очень повезло! А вот Марине нет. Ее и хранитель, и отвратительное существо, которое она допрашивала в туалете, называли «рассветницей» – человеком, способным видеть и побеждать. Что именно побеждать и как это делать, хранитель уже не рассказал. Заявил, что он служит только Алисе, а если Марина начнет создавать им обоим проблемы, то он сделает даже невозможное, чтобы Марины рядом больше не было. Та, хоть и сгорала от любопытства, но все равно вежливо поблагодарила оберегающего духа и больше его не донимала. Она, кажется, и так узнала за этот день больше, чем за последние два года. А уж сколько узнала Алиса... и как с этим знанием теперь жить?

Уезжала домой она в задумчивом настроении. Как все странно устроено: кто-то получает все, а кто-то ничего. Сама она с хранителем общаться не могла, да этого и не тре-

бывалось. Зато осознание его защиты само по себе придавало сил. Алиса не выйдет замуж за изверга или алкоголика – хранитель не допустит. Алиса не пострадает в аварии или не станет жертвой преступников. А даже если станет, то отделается только испугом. Она обречена жить в окружении только хороших людей до самой смерти – обязательно от естественных причин. И только когда ее похоронят, хранитель будет долго оплакивать ее, а потом полетит дальше и полюбит кого-то другого. Судя по реакции Марины, хранитель той заявил отчетливо: он будет терпеть ее рядом с Алисой только в том случае, если это общение Алисе не станет вредить. И вообще пожалел, что раньше ее не отодвинул. Что он может сделать с подругой, неизвестно, но этот факт был ложкой дегтя в бочке меда. Обреченная на счастье и благополучие, Алиса будто лишалась свободы выбора. Ей даже серьезные ошибки в жизни не светят. Или последствия ошибок друзей.

И чем больше она об этом думала, тем меньше радости ощущала. Потому-то люди и не должны знать о своих хранителях – они начинают чувствовать себя неуязвимыми. И именно по этой причине хранитель не любит Марину: она хоть и стала связующим звеном между ними и единственной возможностью общаться, но сама по себе является разрушающим фактором. И тогда Алиса решила – что бы ни означало это самое «рассветница», какие бы проблемы это ни сулило, Алиса будет рядом и поможет, сделает все, что в ее силах. Она подошла к зеркалу и прошептала:

– Ты знаешь мои мысли, хранитель? Только так я буду уверена, что не зря получила свою удачу! А может, именно за такой характер ты меня и любишь?

Она не могла услышать его ответа. Даже не могла понять, доволен он или разочарован. Но решение Алиса пересматривать не собиралась.

Следующая неделя была периодом установления правил. Марина теперь, когда рядом никого не было, вежливо здоровалась и с хранителем. Он, по ее же словам, или вообще не отвечал, или отвечал очень коротко и сухо. Рассказал только, что существо, живущее в институте, называется гулем и для людей безобидно, так что незачем за ним попусту охотиться.

Еще через неделю Марину вызвали в деканат и настоятельно рекомендовали перевод в другую группу – мол, там места свободные имеются, а она по отчетам преподавателей куда лучше будет смотреться в другом списке. Марина отказалась, невзирая на перечисленные преимущества. И через два дня Алису вызвали и предложили то же самое. Она отказалась уже с полным осознанием дела – хранителю не понравилось ее решение, но хранители не убийцы, как ей казалось. Они могут только подстраивать обстоятельства. Вот и ее завредничал – захотел подруг хоть так разделить. Это было скорее смешно: вроде бы из благих побуждений, но действует как ревнивый подросток. Алиса ему прямо сказала, что никакие проделки не пройдут, а если он будет продолжать, то она ничего ему сделать не сможет, и только сильно

расстроится. Неизвестно, слышал ли он это обращение перед зеркалом, но пакостить перестал.

Но одна история Алису все же испугала – рассказ Марины о том самом знакомстве в кафе. Выходило так, что она действительно кого-то увидела, но его не видели остальные. То есть он был самым обычным человеком, а когда Марина спросила о нем у хранителя, тот вообще перестал с ней разговаривать. То ли не вспомнил того парня, то ли не счел нужным обсуждать. Но Алисе, как и Марине, претила сама мысль о том, что твари могут выглядеть не как твари, ничем от обычного человека неотличимые. И кроме того, Марина при таком общении привлекала к себе настороженное внимание зрителей, то есть очень рисковала – психиатры не будут интересоваться свидетельскими показаниями ее подружки, если за нее возьмутся.

Глава 4. Союз

Марина и Алиса на обеденном перерыве вышли из здания института, чтобы подышать свежим воздухом. Весна уже всю разогналась, приятно находиться на улице, однако формулировка Алисы смутила:

- Пошли на перекур!
- Не знала, что ты куришь.

Алиса легко рассмеялась – она умела смеяться так, что всем вокруг становилось легче.

– Да нет, просто оборот речи. Но слушай, это ведь презабавная история! Я несколько раз пыталась – с друзьями за компанию. И то зажигалка переставала работать, то сигарета прямо в руках ломалась, то что-то происходило, что всем не до того становилось. Надо мной даже подшучивать начали, что проклятая! А оказалось, все совсем наоборот.

Марина посмотрела на белое свечение вокруг головы подруги и тоже рассмеялась. Хранитель ее был врагом для всех, кто мог причинить Алисе вред, но саму ее опекал похуже строгого родителя. Характер оберегающего духа до сих пор был обеим непонятен: он был молчалив, несговорчив и чаще напоминал капризного ребенка. Но сейчас Марина забеспокоилась, не воспримет ли он ее смех как издевку, потому осеклась и вежливо склонила голову, словно выказывала дань уважения волосам подруги. Алису такие проявле-

ния их странных отношений всегда веселили, но Марина не могла себя пересилить и начать разыгрывать хладнокровную мадам, которой все по барабану.

В киоске они купили по горячему пирожку с картошкой и, обсуждая новую лабораторную, медленно направились назад. Проходя мимо стоянки, заметили уверенно идущего в их сторону парня. Марина уже где-то его видела, старшекурсник. Зато Алиса склонила к ней голову и прошептала:

– Его Илья зовут. Чудо, какой хорошенький, правда?

Симпатичный, да. Темноволосый, худощавый, а руки заметно подкачаны. Такие по три раза в неделю в тренажерку ходят, чтобы нужный эффект на дам производить. Марина таких на дух не переносила. Но она не успела ответить. Парень шел не в их сторону, он направлялся прямо к ним, причем очень быстро. Вид сосредоточенный, ни тени улыбки, которая подразумевается при попытке познакомиться. Он сказал еще до того, как остановился перед ними:

– Мне нужна твоя помощь!

Сказано это было именно Марине, никаких сомнений. Алиса же ойкнула и запнулась на ровном месте, да так удачно, что упала на колени и выронила пирожок. Но парень на нее даже не взглянул. Он схватил Марину за локоть и буквально потащил обратно на стоянку. Марина обернулась, Алиса уже поднялась на ноги и с улыбкой помахала подружке рукой.

Обескураженная Марина даже не сразу сообразила, что

происходит. Но потом опомнилась – дернула рукой и вскрикнула:

– Отпусти! Не смей меня трогать!

Он будто удивился и сразу убрал руки:

– Да я не собирался тебя трогать... Мне помощь твоя нужна, сказал же. Меня, кстати, Ильей зовут.

– Марина, – она ответила скорее по инерции или попросту не придумала, что еще сказать нужно.

Но он наклонился, чтобы смотреть прямо в глаза, и зататорил быстро:

– Марин, пойдем в машину, я по дороге все объясню. Боюсь упустить время.

Такого способа подката Марина даже вообразить не могла, она сложила руки на груди и поморщилась:

– Никуда я не поеду. Больше не подходи ко мне.

Она повернулась, чтобы уйти, но он снова схватил ее и посмотрел какими-то безумными глазами.

– Я рассветник, Марин! Еще не понял, кто ты такая, но точно кто-то из равновесников, а я сейчас даже от помощи закатника не откажусь.

Последняя фраза прозвучала громом среди ясного неба. Марина позволила себя и до машины дотолкать, и впихнуть в нее, а она все не могла определиться, какой вопрос задать первым. Илья занял место водителя и так рванул с места, что она от страха вжалась в сиденье. Потом, привыкнув к скорости, осторожно перевела взгляд на водителя. Он словно по-

чувствовал или просто не дождался от нее хоть какой-то реакции, потому принялся объяснять сам:

– Мне неделю назад позвонил мужик один, сказал, что у него в квартире неладное. Но потом перезвонил и отменил вызов. А я что, навязываться буду? К тому же чаще всего в таких делах речь идет о домовых, а те никакой особой беды не сделают. Но адрес запомнил и мимо дома этого пару раз в день проезжал, так, глянуть. Ну и проглядел. Сегодня на учебу еду, а там... в общем, поздно уже. Моя вина. Надо было сразу к тому мужику бежать и навязываться...

Он замолчал и будто был очень расстроен. Марина выдохнула и сказала единственное, что вообще могла сказать:

– Ничего не поняла.

Илья отвлекся от размышлений и продолжил так же быстро:

– То ли пожар, то ли взрыв, аж окна в квартире вынесло. Я еду сегодня, а там куча пожарных, ментов. Вся семья мертва, даже дети... И только потому, что я навязываться не захотел. Ты не поймешь моих переживаний, если закатница. Кстати, а ты закатница?

Марина же уловила другое:

– Ты хочешь сказать, что нечто убило всю семью взрывом?!

– Убило, да. Хотя они могли быть мертвы и до того. Демон мог скрыть так следы или привлечь внимание. Например, мое. Я подождал, конечно, а потом в подъезд пошел –

квартира на последнем этаже. И оно до сих пор там, у меня уже на подходе защита затрещала. Я, конечно, рассветник, но не самоубийца! Один просто не справлюсь...

Рассветник, но не самоубийца – какая интересная формулировка! А до сих пор Марине казалось, что это взаимосвязанные понятия. Она собирала информацию и по капле складывала, но Илья не давал ей даже возможности переварить, все тараторил и тараторил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.